

Воспоминания

Чехословацкие события 1968 года глазами сержанта Советской Армии и юриста

Чехословацкие события 1968 года спустя четыре с лишним десятка лет продолжают приковывать к себе внимание как чешских, так и российских журналистов и историков. При этом они, как правило, носят ярко выраженный тенденциозный характер. Из более менее солидных работ по этой тематике на объективность может претендовать лишь, изданный в 2010 году Объединенной редакцией МВД России и Обществом изучения истории отечественных спецслужб, сборник документов «Чехословацкие события глазами КГБ и МВД СССР» (сост. А.А.Зданович, В.Ф.Лашкул, Ю.Н.Моруков, Ю.Х.Тотров). В сборнике опубликованы архивные документы и материалы, в том числе недавно рассекреченные, проливающие свет на события тех дней.

СИНЕЛЬЩИКОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ, Заслуженный юрист Российской Федерации, депутат Государственной думы Федерального собрания, кандидат юридических наук.

В небольшой статье мне, как рядовому участнику тех событий, хотелось бы поделиться своими наблюдениями и оценками, которые спустя десятилетия мало изменились, хотя существенно изменилось наше общество, менялся и я сам, пройдя за эти годы серьёзную жизненную школу, работая на различных должностях в прокурорско-следственных органах.

В ту пору мне довелось служить в 35-й мотострелковой дивизии, которая входила в состав 20-й Гвардейской армии и дислоцировалась в Германской Демократической Республике близ Потсдама, а в августовских событиях 1968 года действовала на главном направлении — обеспечивала решение стоящих перед Советской Армией задач в Праге. Я располагал достаточно обширной информацией о том, что происходило не только потому, что находился в столице Чехословакии, но также благодаря тому, что был начальником радиостанции в составе 647 отдельного батальона связи,

который обеспечивал руководство дивизии радио и телефонной связью, а также являлся секретарем комсомольской организации роты. Причем информацию о событиях я черпал не только из официальных и полуофициальных источников (радиотелеграммы, переговоры руководства дивизии по радиотелефону, участие в совещаниях комсомольского актива дивизии и т.д.), но и прослушивая многочисленные западные радиостанции. Оценивая события тех лет, я придерживаюсь мнения, что это была попытка совершения государственного переворота в Чехословакии внутренней оппозицией при активной поддержке западных стран, а Советские войска оказывали помощь законному правительству чехословацкому в обеспечении правового порядка.

Напомню, что после II мировой войны Прага оставалась важнейшим коммуникационным перекрестком Европы. В этом городе располагались важнейшие центры международного профсоюзного, журналистского и коммунистического движений. Значение Праги в то время вполне отвечало известной оценке О.Бисмарка: «Кто владеет Прагой, тот владеет Европой». Это сосредоточение беспокоило Запад. К 1968 году у США и НАТО было достаточно оснований для того, чтобы попытаться выбить «чехословацкое звено» из оборонной цепи Организации Варшавского договора (см.: Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР // Сб. док.; сост.: А.А.Зданович, В.Ф.Лашкул, Ю.Н.Моруков, Ю.Х.Тотров. — М., 2010. С. 5—6).

Впервые разговоры о возможном вводе Советских войск в Чехословакию в нашей дивизии повелись в начале апреля 1968 года. Как известно 23 марта 1968 года в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести стран — СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. Собравшиеся, в том числе советская делегация, подвергли жесткой критике происходящие в Чехословакии реформы. А спустя неделю, в Прагу прибыл министр обороны СССР А.А.Гречко, который предупредил чехословацкое руководство о том, что Москва не допустит разрушения социализма в Чехословакии. На состоявшемся в начале апреля дивизионном собрании партийного и комсомольского актива было заявлено о том, что 35-я мотострелковая дивизия может быть размещена в Чехословакии уже в мае 1968 года, причем на постоянной основе. 15 мая 1968 года дивизия была сосредоточена на юге ГДР у чехословацкой границы. Туда же прибыли и другие соединения 20-й армии. В первый день солдатам сообщили, что дивизия перебрасывается для проведения учений. Однако необычность этих

учений стала очевидна в первый же день, так как с места постоянной дислокации были выведены практически весь личный состав и вся техника. Нас сразу же начали готовить к долгому стоянию, так как для проживания в лесу устанавливались большие палатки с нарами для сна, появились набитые соломой матрацы, каждому выдали простыни и одеяла. Спустя три дня солдатам объявили о предстоящей переброске дивизии в Прагу. Ввод Советских войск в Чехословакию наши политработники обосновывали необходимостью борьбы с контрреволюцией. При этом они сообщали, что об этом просят чехословацкие рабочие и крестьяне. В этой связи зачитывалось письмо рабочих одного из заводов Праги, по-моему, завода им. К.Готвальда («Авто-Прага»), в котором прямо высказывалась просьба об оказании народу Чехословакии такой интернациональной помощи.

Началась идеологическая и тактическая подготовка солдат и офицеров. Нас знакомили с историей Чехословакии и особенностями этой страны, обучали тактике городского боя, правилам организации радио и телефонной связи в условиях города и в горной местности. Перед солдатами и командирами выступали офицеры, имевшие опыт военных действий в Венгерских событиях 1956 года. Собственно эти люди рассказывали не столько о положительном опыте, сколько о многочисленных ошибках, которые допустило наше командование в той операции. Как выяснилось, Советские войска в то время готовились не к боевым действиям, а к митингам с участием местного населения. Наши солдаты вошли в Венгрию без боеприпасов, поэтому в первые дни полегло несколько сот военнослужащих, расстрелянных венгерскими боевиками. С учетом этого нас вооружили, что называется «до зубов». У каждого солдата было не менее двух снаряжённых магазинов к автомату АКМ плюс гранаты. У меня в автомобиле, на котором базировалась радиостанция, постоянно находился ящик гранат Ф-1. Офицерам давали карты маршрута, а также карты предстоящего места дислокации частей нашей дивизии в Праге.

С мая до середины августа батальон связи постоянно участвовал в самых разных учениях: тыловые учения, учения войск связи, учения войск ПВО. Однако части нашей дивизии при этом никуда не перемещались. Учения для нас носили командно-штабной характер.

На корпусе танков и другой техники белой краской наносились две полосы крест накрест, шириной 10-15 см. Это делалось для того, чтобы можно было отличить (в том числе с воздуха) советскую технику от чехословацкой.

Как известно, решение о вводе войск Политбюро ЦК КПСС приняло 16 августа 1968 года. Сразу после этого началась уже непосредственная подготовка войск.

Перед частями дивизии были поставлены четыре задачи: 1) охрана наиболее важных объектов в Праге совместно с двумя полками внутренней охраны Министерства охраны общественного порядка СССР; 2) предупреждение и пресечение в городе массовых беспорядков, хулиганских проявлений; 3) захват и изъятие у «контрреволюционных элементов» вооружения и боеприпасов, подпольных типографий и радиостанций; 4) блокирование частей чешской армии по месту их нахождения. Уже через несколько дней после ввода войск в Прагу была поставлена и пятая задача: проведение разъяснительной работы среди населения. Непосредственной задачей батальона было обеспечение командования дивизии радио, телефонной и фельдъегерской связью с полками и другими частями дивизии, а так же с вышестоящим командованием.

Ввод войск начался в ночь с 20 на 21 августа. Сначала в 23 часа советский транспортный самолёт, сообщив о якобы неисправном двигателе, совершил «вынужденную» посадку на аэродроме в Праге. Подразделения спецназа выпрыгнули из самолёта ещё до его полной остановки, и бегом направились к контрольной вышке. Чехи не оказали сопротивления. Захват аэродрома обеспечил переброску Витебской (7-й) воздушно-десантной дивизии в Прагу на самолётах типа «Антонов». Через несколько часов началась высадка воздушно-десантных войск и частей Таманской танковой дивизии. Вскоре мощная колонна двинулась к центру Праги. Одновременно другие подразделения спецназа, проникшие в Прагу несколькими днями ранее под разными прикрытиями, к 4-м утра уже заняли радио, телецентры, телефонные узлы, редакции газет и журналов и т. д. Под охрану было взято большинство складов оружия. С чисто военной точки зрения, как отмечали позднее западные специалисты, операция по оккупации ЧССР была проведена чётко, быстро, точно и эффективно (см.: Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С. 82). В 23 часа в соответствии с планом стратегической операции, которая именовалась «Дунай», я передал в радиосеть условный сигнал, и части дивизии двинулись к границе. Впереди шёл отдельный танковый батальон и рота дорожных регулировщиков (на мотоциклах). Марш был непростым: ночные условия, узкая горная дорога, которая в некоторых местах была в неудовлетворительном состоянии. Но техника двигалась строго в соответствии с графиком. Помогла правильно

выработанная нашим командованием тактика: заглохшую технику не ремонтировать, не пытаться взять на буксир, а сталкивать под откос с тем, чтобы не терять время на марше. Вспоминаю картину: внизу под горой горящая автоцистерна, а на обочине дороги стоящий солдат-водитель с растерянным заплаканным лицом. Его машину после неудавшейся попытки завести столкнул вниз прибывший БТР-40.

Как только начало светать, по ходу движения автоколонны в населённых пунктах мы стали встречать скопления людей, которым разъясняли, что идут учения войск стран Варшавского договора, а после окончания учений мы уйдём на зимние квартиры. Народ встречал войска настороженно, но не агрессивно. Агрессия нас ждала в Праге.

Утром 21 августа все основные объекты города были взяты под охрану войсками 20-й армии. Все части 35-й дивизии действовали слаженно и быстро. За предшествующие два года службы я был участником примерно дюжины учений и, честно говоря, такой оперативности и решительности ни разу не видел.

Части дивизии совместно с Внутренними войсками МВД СССР установили охрану здания ЦК КПЧ, Центральной военной комендатуры советских войск, пражского телецентра, советского торгпредства и военного атташе, управления госбезопасности г. Праги, посольств ПНР, ВНР, США и др. Военнослужащие дивизии несли патрульную службу на улицах Праги. Авто- и бронетехника размещались на улицах и площадях города, демонстрируя своё присутствие. На площадях устанавливались танки по количеству улиц, которые радиально расходились от площади. В каждую улицу был направлен ствол танкового орудия. Войска находились внутри автомобилей, танков и бронетранспортёров. Питались сухим пайком. Там же спали. Вскоре стал вопрос о туалетах. В качестве таковых использовались кусты, аллеи, парки, овражки и т. д. Иногда приходилось справлять нужду на глазах у горожан.

Скопление техники на площадях и улицах выглядело невыгодно для нас. Эта демонстрация оружия отрицательно влияла на умы горожан. Запугать такой акцией мы их не смогли, а породить отрицательное отношение к Советской Армии сумели. Присутствие большого числа танков и бронетранспортёров нарушало нормальную жизнь горожан. К тому же стоящая на улицах техника оказалась уязвимой. Было, по крайней мере, два случая поджога наших машин. В одном случае танк Т-55 поджигали таким образом: девушка ударом

кирки пробивала запасную бочку с соляркой, а парень к пробитому отверстию подносил факел. Если бы дело дошло до реальных боев, то мы не досчитались бы многих боевых машин.

Наконец 23 августа техника стала перемещаться в парки. Большинство подразделений батальона связи находилось в парке им. Ю.Фучика. Впрочем, в основном радиомшины размещались там, где это было удобно командиру, для которого с этой радиостанции давалась связь.

Буквально с первых часов ввода наших войск чехи начали демонстрировать активное неповиновение. В Праге и других местах велись перестрелки. Советских солдат убивали из-за угла. Наши войска отвечали автоматными очередями. Гибли люди с одной и другой стороны. Сообщалось, что уже в первые дни чехам удалось сбить два советских вертолётa. Я лично был очевидцем событий, которые разворачивались у здания исторического музея в Праге. С чердака здания по нашим солдатам был открыт автоматический огонь. Перестрелка с людьми, засевшими на чердаке, продолжалась около двух часов. Подавить огневую точку удалось только при помощи танкового орудия. Наши военнослужащие ежедневно находили новые тайные склады оружия в помещениях самых разных организаций, предприятий и учреждений. На вопросы, откуда это оружие и для чего, чехи обычно отвечали, что это оружие народной милиции. Однако в это трудно было поверить с учётом того набора, который в этих складах хранился. Это были не только пистолеты и автоматы, но и противотанковые гранаты, тяжёлые пулемёты, гранатомёты, ящики взрывных шашек, пластической взрывчатки и т. д. Разумеется, для организации, которая занимается охраной общественного порядка всё это ни к чему, но в самый раз подошло бы для террористических и диверсионных структур. К тому же всё это хранилось в хорошо замаскированных местах, в потайных помещениях и даже в подземных складах.

Чешское радио работало на патриотические чувства чешских граждан. В эфире распространялись небылицы о том, что советские солдаты расстреливают женщин и детей, уничтожают дома. Наши военнослужащие представлялись примитивными, бескультурными людьми. Говорилось о том, что советские солдаты — немыслящие существа, а офицеры — душевно ограниченные тупицы и варвары. Говорилось о том, что Советская Армия голодает, поэтому людям надо прятать собак и кошек. Молодёжь призывалась к вооружённому сопротивлению. По радио передавались инструкции об уничтожении и порче дорожных указателей направлений

движения. О том, как реализовывалось это последнее требование, мы узнали уже утром 21 августа. На подъезде к Праге практически не было указателей, а те, что сохранились, были развернуты в противоположную сторону. В самой Праге в ряде мест отсутствовали названия улиц и номеров домов, которые были сорваны и побиты. В этих условиях неоценимую помощь колонне оказала рота дорожных регулировщиков.

Значительную сложность для наших войск представляла работа по выявлению и ликвидации радиостанций. В течение нескольких дней мощные радиопередатчики продолжали антисоветское вещание. Ещё на подходе к Праге в эфире на коротковолновом диапазоне мы обнаружили такие передатчики. Они работали как на чешском, так и на русском языках. Позже антисоветские передатчики появились и в ультракоротковолновом диапазоне. Передатчики постоянно блокировали наши дивизионные радиосети, высказывая в эфире требования, чтобы мы уходили домой в Россию. Один радиохулиган (судя по навыкам, это был радист чехословацкой армии) опекал радиосеть, в которой я работал, на протяжении нескольких дней. Обычно он входил в сеть ранним утром со словами: «Здравствуй, „Палатка-69” (это был позывной моей радиостанции), тебя приветствует Йозеф». Далее он перечислял позывные всех полковых радиостанций, работавших в этой сети, и предлагал уезжать в Россию. Когда радиостанции нашей радиосети переходили на работу в запасных частотах, он находил нас и там. Подобные включения имели место и в других радиосетях нашей дивизии. Позже советской контрразведкой было установлено, что в работе радиостанций оппозиции активно использовались средства военной связи некоторых соединений чехословацкой армии (см.: Справка КГБ СССР «О деятельности контрреволюционного подполья в Чехословакии» // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С. 288).

Чехами систематически выводились из строя проводные линии связи: вырубались соединительные муфты, перерезались телефонные кабели. Иногда на линиях вырезались протяженные куски кабеля, так что прибывшему на линию нашему телефонисту не хватало даже целой катушки для восстановления связи.

Уже через 2-3 дня после нашего вступления в Прагу в работе подпольных радиостанций появилась некая система. Одну и ту же информацию можно было услышать на разных волнах и от разных дикторов. Заканчивая вещание, некоторые станции не только сообщали, когда они выйдут в эфир вновь, но и

называли частоты, на которых могут вещать другие радиостанции, пока данная будет молчать. О том, что работой радиостанций руководит единый центр, говорилось и в советской прессе. В частности сообщалось, что 22 августа в 5 часов 35 минут подпольные радиостанции передали призывы к радиолюбителям ЧССР всячески создавать помехи для радиостанций объединенных войск Варшавского договора, находящихся в ЧССР, «забивать» эти радиоточки. Одновременно они обратились к чехословацким воинским частям — предоставить свои радиостанции для ретрансляции передач «легальных, патриотических» радиостанций (см.: К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып.

Пресс-группа советских журналистов. — М., 1968. С. 133). В конце августа в Прагу прибыла специальная радиотехника для создания радиопомех в коротковолновом диапазоне с целью недопущения прослушивания подпольных радиостанций населением. Первоначально помехи создавались на 30 частотах, потом к ним прибавилось ещё 12 частот. Большинство подпольных радиостанций стало недоступно для прослушивания. Однако эти «радиоглушилки» поначалу мешали работе и наших армейских радиостанций.

Утром 22 августа мы не узнали город. Прага была буквально заклеена и исписана листовками, плакатами, лозунгами антисоветского содержания на чешском и русском языках: «Демократия без СССР и коммунистов», «Оккупанты, идите домой», «Захватчики — вон из Праги», «США — Вьетнам, СССР — Чехословакия», «Русские, вы нас можете изнасиловать, но рожать не заставите», «Смерть оккупантам», «1938 = 1968 г.». Среди них было много явно оскорбительных: «Советские солдаты, водка в Москве — уезжайте туда», «Русские пьяницы, отправляйтесь в Сибирь к своим медведям». Немало надписей было посвящено персонально Л.И.Брежневу, рядом с его фамилией чаще всего стояли какие-либо нецензурные выражения. Много встречалось и антикоммунистических лозунгов: «Хороший коммунист — это мертвый коммунист», «Бей коммунистов» и др. На стене одного из домов в центре Праги мы увидели рисунок, занимающий несколько этажей, где был изображен медведь (с надписью на нём «СССР») и ёж (с надписью «ЧССР»), а поверх всего этого слова: «Медведь никогда не сможет съесть ежа». Уже на второй день эта композиция дополнилась надписью (вероятно, ее сделали советские солдаты): «А если его побрить?». Корреспондент АПН Вадим Ардатовский, находившийся в эти дни в Праге, свидетельствовал: «Я видел тысячи листовок, расклеенных на пражских

стенах. Всемирно известные памятники были кощунственно испещрены каракулями. Святому Вацлаву досталось больше всего, но не пощадили и короля Карла и Яна Жижку. Искусственно взвинченная контрреволюционерами молодёжь как бы демонстрировала своё пренебрежение к славной истории собственного народа» (цит. по: там же. С.134—135).

В первые дни мне удалось сфотографировать много таких «шедевров». Однако впоследствии нас предупредили командиры, что при увольнении в запас на Советской границе у нас могут возникнуть серьёзные проблемы с этими фотографиями, так как их провоз через границу может повлечь уголовно-правовые последствия. С сожалением я уничтожил эту пачку. Очень жаль, что не удалось сохранить такие фотографии. Утром 26 августа, выражая протест против «советской оккупации» в Праге зазвонили церковные колокола, встал общественный транспорт, загудели автомобили, автобусы, завывали сирены. Началась всеобщая одночасовая забастовка. По-видимому, советская разведка и командование были осведомлены о подготовке этой акции. Но для наших солдат, командиров взводов и рот эта акция была не просто неожиданностью. Она многих привела в уныние. Ведь мы искренне полагали, что чётко контролируем положение дел в городе. Стало понятным, что быстрой нормализации обстановки в столице Чехословакии и в стране не произойдет. К борьбе с населением наши войска не были готовы. Солдаты и офицеры готовились вести боевые действия с чехословацкой армией и даже с армией ФРГ, но не с гражданским населением. Наши войска, численность которых достигала полумиллиона, заняли всю территорию страны, однако порядки там были подчёркнуто антисоветские. Это вызывало растерянность у командиров всех уровней, которые не знали, как этому противостоять. Существованию активного противодействия советским войскам, по-видимому, способствовала и международная реакция. Так от чехов я не раз слышал, что войска НАТО вот-вот войдут в их страну. (Правда, перспектива ввода войск ФРГ чехов не радовала). Населению было хорошо известно, что войска стран Варшавского договора в Чехословакию осудил генсек ООН У.Тан, президент США Л.Джонсон, румынский генсек Н.Чаушеску, руководство Югославии, правительство Франции и Французская компартия. В процесс противостояния, к счастью, не включилась чехословацкая армия. Ее стремились нейтрализовать как советские командиры, так и чехословацкие руководители. Как известно, накануне 21 августа значительная часть офицеров чехословацкой армии ушла из частей в отпуск

на 10 дней. В войсках был до минимума сокращён запас горючего, из танков изъяты боекомплекты, некоторые части без вооружения вышли на командно-штабные учения. Мне известен лишь один инцидент, заставивший изрядно поволноваться наших командиров. Речь идёт о случае, когда танковая рота чехословацкой армии (по другим данным — танковый батальон) прошла по тылам 20-й гвардейской армии. Танки чехов были зажаты в овраге танковым подразделением нашей армии. Операция прошла бескровно. Через несколько дней после ввода в Прагу наши войска активизировали разъяснительную компанию среди населения. К этой работе были привлечены буквально все, от рядового до командира части. Солдатам была дана команда использовать все возможности для контактов с местным населением. О том, что говорить, наши воины понимали, материалы политзанятий хорошо легли в головы практически всех моих сослуживцев. Чехи удивлялись тому, как наши солдаты убежденно излагали советскую позицию. Я не раз слышал от чехов высказывания, что перед ними не рядовые Советской Армии, а переодетые офицеры КГБ, политруки и комиссары. Большинство чехов шли с нами на контакты не потому, что мы были им приятны (скорее наоборот), их просто раздирало любопытство: «А что там скажет русский Иван?». Однако многие из чехов боялись своих. Так нам хорошо был известен факт, когда в Праге 3 сентября несколько девушек в наказание за разговор с советскими танкистами были острижены. Много внимания уделялось распространению среди населения советских газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др. Для каждой армейской комсомольской организации устанавливалась норма экземпляров этих изданий, которые нужно было распространить. Так на нашу ротную организацию ежедневно привозили от двух до пяти мешков периодики. Чехи боялись брать газеты, хотя и проявляли любопытство. В парке им. Ю.Фучика мы раскладывали издания на скамейки, где сидели люди, и наблюдали из кустов за их поведением. Как только человек убеждался, что на него никто не смотрит, он украдкой брал газету и прятал её в сумку или под одежду. В середине сентября в Прагу из СССР прибыли профессиональные комсомольские работники, которые были временно мобилизованы в армию для оказания нам помощи в пропагандистской работе среди населения. Затея эта оказалась пустой. Комсомольские инструктора плохо владели ситуацией, не были осведомлены об армейской службе, не обладали методами, которыми должна была вестись работа в тех условиях. Работу они вели под опекой наших старослужащих солдат и армейского комсомольского актива. Как известно роль «ударного отряда» сил оппозиции выполнял «Клуб-231». Он насчитывал около 40 тыс. членов, в нём находилось много бывших

уголовных и государственных преступников. Даже газета «Руде право» в то время отмечала, что в составе этого клуба можно встретить бывших нацистов, эсесовцев, министров бывшего марионеточного, так называемого Словацкого правительства, существовавшего во время гитлеровской оккупации, и др. «Клуб-231» был учреждён 31 марта 1968 года и назван так в связи с тем, что в его состав вошли многие из тех, кто был осуждён на основании ст. 231 Конституционного закона о защите республики в социалистической Чехословакии после разгрома реакции в феврале 1948 года. Согласно этой статье, каралась по закону антигосударственная и контрреволюционная деятельность. Этот клуб имел свои многочисленные филиалы в городах Чехословакии. Филиалы клуба также имелись и за границей. Руководители клуба открыто рекламировали свои заграничные связи, в том числе финансовые (Записка председателя КГБ Ю.В. Андропова в ЦК КПСС от 13 апреля 1968 г. // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С. 306). О деятельности клуба были широко информированы рядовые граждане. Помню, один из них с гордостью заявлял о личных связях с генеральным секретарем клуба Бродским, который по утверждению даже нынешних российских средств массовой информации в прошлом был фашистом.

Взаимоотношения военнослужащих с местным населением складывались по-разному, чехи охотно общались с польскими и венгерскими военными, менее охотно с советскими солдатами и офицерами, а к солдатам ГДР относились с ненавистью. Я не раз слышал высказывания чехов: «Ну ладно сами пришли, а вот немцев-то зачем привели с собой». Правда, именно военнослужащие ГДР вели себя наиболее безупречно, чётко выполняли инструкции и требования своего и советского командования. В связи с этим вспоминаю случай с советским танком Т-34, который стоял на постаменте в г. Мельник. Этот танк 25 августа группа чехов с помощью грузовика пыталась сбросить с постамента. Позже его дважды обливали краской. В начале сентября у танка был выставлен пост военнослужащих Народной армии ГДР. После этого танк простоял нетронутым несколько десятков лет.

Всякий раз, когда чехи называли нас «оккупантами», я приводил им неотразимый контрдовод — пример из советской «оккупационной практики». Наши войска в Праге заняли для своих нужд только одно здание — это здание на проспекте Революции, в котором располагалась центральная военная комендатура советских войск в Праге. Да и то, спустя три дня после нашего входа в Прагу, эта комендатура была передислоцирована в здание

средней школы при Советском посольстве. Все остальные подразделения Советской Армии находились в палатках, либо штабных автомобилях. Среди населения весьма заметна была дифференциация взглядов. Позиция гражданина очень часто определялась не его социальной, а возрастной принадлежностью. Старшее поколение относилось к пребыванию иностранных войск как к неизбежному акту со стороны, причём многие давали этому событию положительную оценку. Но почти вся молодёжь, включая армейскую, к этим событиям относилась резко отрицательно, не веря в то, что советские войска в стране находятся временно. Некоторые молодые чехи открыто заявляли, что в случае мобилизации они, не задумываясь, будут воевать против русских.

В октябре издательство Агентства печати «Новости» выпустило в свет сборник «К событиям в Чехословакии», в котором приводились факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев о том, как чехословацкая оппозиция, опираясь на поддержку Запада осуществляла подготовку условий для государственного переворота. Книга была издана на 6 языках общим тиражом около миллиона экземпляров. Это издание было хорошим подспорьем в нашей агитационной работе. Книга подверглась резким нападкам чехословацких газет, кино и телевидения. Некоторые граждане публично жгли или рвали эти книги. Однако это вызывало ещё более повышенный интерес к книге, и когда её раздавали (чаще всего у наших военных комендатур) она была нарасхват. Экземпляр этого издания сохранился в моей домашней библиотеке.

Вместе с тем нельзя не отметить, что пропагандистскую работу наши войска начали с запозданием, впрочем, до ввода войск в Прагу никто к ней и не готовился. Достаточно сказать, что первоначально нам вообще запрещалось общаться с чехами, и на все их вопросы давать один ответ: «Идут учения». Первую советскую листовку в Праге я увидел только на седьмой день нахождения там. Для пропагандистских целей советская сторона фактически не использовала возможности радио- и телеэфира.

Участие в операции укрепляло боеспособность войск, поднимало уровень их политической подготовки. Однако не всё так гладко было и в нашем стане. Так в одной из воинских частей, находившейся в Праге, у офицеров были обнаружены три пистолета чешского производства, которые они изъяли в одном из подпольных складов. Вскоре после этого последовало указание от руководства дивизии, обязывающее командиров и политработников производить проверку личных вещей военнослужащих и автотранспорта в

целях обнаружения табельного оружия, враждебной литературы, порнографии.

Другой пример того, что не добавляло нам авторитета. Солдаты автомобильных подразделений уже с первых дней приноровились имеющийся у них в избытке бензин выменивать у чехов на кроны, радиоприемники, порнографические журналы. Такие случаи становились известными командирам взводов и рот, однако их замалчивали. Подобные случаи были вплоть до вывода наших частей из Чехословакии. К 10—12 сентября обстановка в Праге стабилизировалась, дома и улицы были отмыты от надписей и плакатов, преступили к работе предприятия и общественный транспорт, замолкли антисоветские радиостанции. Части нашей дивизии были выведены в лесисто-горную местность неподалеку от Праги. Здесь мы обустроили долговременное жильё, полагая, что возможно в нём придется остаться на зиму. Палатки утеплялись, в них сооружались нары, а в начале октября в каждой из палаток была установлена печь, позже был завезён уголь (польский в брикетах). Надо сказать, что снабжение войск с первых дней пребывания на территории Чехословакии было налажено безупречно. Военнослужащие получали усиленный продовольственный паёк. Еженедельно организовывалось мытье в бане на колесах, регулярно менялось нательное и постельное бельё, происходила замена порванной одежды и обуви. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР военнослужащим начислялись полевые деньги в советских рублях, а также выдавались наличными сертификаты Всесоюзного объединения «Внешпосылторг» на текущие расходы. Эти сертификаты наши солдаты именовали «дубчеки».

В связи с этим вызывает некоторое недоумение утверждение С.Лавренова и И.Попова о том, что советские войска «вынуждены были довольствоваться взятым в поход двухдневным сухим пайком, столкнувшись с молчаливым сопротивлением чехословацкого населения, которое отказывалось давать даже воду» (Лавренов С, Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М., 2005. С. 172).

Некоторое потепление отношений с чехами мы почувствовали после 18 октября 1968 года когда Национальным Собранием ЧССР был одобрен «Договор об условиях временного пребывания советских войск на территории ЧССР». Нам стали встречаться чехи, которые выражали удовлетворение решением об оставлении в ЧССР союзных войск. Однако протестные демонстрации в Праге с лозунгами против советской оккупации

продолжались и в конце октября, активно они проходили 7 ноября, когда мы отмечали годовщину Великой Октябрьской революции. Чехи нередко высказывали соображения о том, что происходящее в стране является политическим насилием.

После этого начался поэтапный вывод войск организации Варшавского договора с территории Чехословакии. Отдельный батальон связи, в котором я служил, был выведен в ГДР к месту постоянной дислокации 11 ноября 1968 года.

Несколько слов о наших потерях в этой операции. Как видно из таблицы лиц, погибших в ходе проведения операции «Дунай» в Чехословакии, составленной подполковником в отставке В.П.Сунцевым, их общее число составляет 100 человек (см.: Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С. 481-490). Однако на сайте того же В.П.Сунцева в сети Интернет говорится о 105 погибших. Полагаю, что более верной всё же является вторая цифра. Так в упомянутой таблице указаны четыре фамилии военнослужащих 35-й мотострелковой дивизии. Однако в сводках командования дивизии фигурировало пять погибших. По данным чешских источников, из числа гражданского населения погибло 72 человека. Уже будучи в Германии, мы пристально следили за тем, что происходило в Чехословакии. Помню, как в январе 1969 года мы весьма болезненно переживали самоожжение чешского студента Яна Палаха в знак протеста против военной интервенции стран Варшавского договора в Чехословакию. После смерти Палаха такие попытки предприняли ещё целый ряд мехов, некоторые из них погибли. Не припомню, что на этот счет говорилось в советских средствах массовой информации, но до комсомольского и партийного актива эти факты политруководителями дивизии доводились, и в ходе их обсуждения высказывались самые искренние сожаления. Серьёзной вехой в нормализации обстановки в Чехословакии мы считали тогда отставку А.Дубчека с поста первого секретаря ЦК КПЧ, которая произошла в апреле 1969 года. Надежды на стабилизацию в стране в связи с его отставкой высказывались многими нашими военнослужащими. Тогда наши солдаты говорили: «Дуб убрали, ЧК осталось».

Наконец, уже будучи студентом, я с радостью узнал о состоявшемся в декабре 1970 года Пленуме ЦК КПЧ, который принял документ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после 13-го съезда КПЧ», в котором отмечалось, что интернациональная помощь

братских социалистических стран была своевременным, необходимым и единственно правильным решением.

25 августа 1968 года на Красной площади советские диссиденты П.Литвинов, Л.Богораз-Брухман и другие предприняли попытку проведения демонстрации протеста против ввода Советских войск в Чехословакию. Они имели при себе плакаты с надписями «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Пятеро участников событий прокуратурой г. Москвы были привлечены к уголовной ответственности и осуждены судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда по статьям 190-1, 190-3 Уголовного кодекса РСФСР.

Диссидентские акции тогда вызвала у нас резкое осуждение, мы были убеждены, что эти лица совершили преступления, а именно — распространяли заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и совершили групповые действия, повлекшие грубое нарушение общественного порядка. Позже, став первым заместителем прокурора Москвы и ознакомившись с некоторыми документами из того дела, я понял, что тогдашние мои оценки с точки зрения юриспруденции были поспешными. Эти лица, с учётом действовавшего тогда законодательства, тянули лишь на административную ответственность. Кстати, для меня, как для юриста, представили интерес две вещи. Во-первых, дело было расследовано и рассмотрено в суде, что называется, молниеносно. С момента происшествия до приговора прошло немногим более полутора месяцев. Во-вторых, нельзя не обратить внимание, что спустя неделю после возбуждения дела Ю.В.Андропов (КГБ), Н.А.Щёлоков (МООП) и М.П.Моляров (Генпрокуратура СССР) в своей информации в ЦК КПСС уже определили меру наказания в отношении главных участников событий, указав следующее: «Предполагается, что в отношении Богораз-Брухман и Литвинова, ввиду нецелесообразности их содержания в местах заключения, суд ограничится ссылкой их в отдаленные районы страны» (Информация КГБ, МООП и Прокуратуры СССР от 05.09.1968 г. в ЦК КПСС об активистских действиях группы диссидентов в связи с событиями в ЧССР // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С.200—201). В середине сентября на одном из политсеминаров я узнал о том, что 88 писателей Москвы подписали «Обращение», в котором осуждали ввод Советских войск в Чехословакию. В числе этих писателей якобы был и Александр Твардовский.

Эти две политические акции заставили меня впоследствии предельно критически оценить все то, что Советский Союз делал в Чехословакии. Однако по сей день я остался при убеждении, что по большому счёту все делалось правильно.

Во время «перестройки» М.С. Горбачёв, останавливаясь на чехословацких событиях, первоначально (1987 г.) дал им такую оценку: «...Некоторые социалистические страны пережили серьёзные кризисы в своем развитии. Так было, например, в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии — в 1968 году... У каждого из таких кризисов была своя специфика. По-разному из них выходили. Но объективный факт таков: ни в одной из стран социализма не произошло возврата к старым порядкам... В трудностях и сложностях развития социалистических стран виноват, разумеется, не социализм, а в основном просчёты правящих партий. Ну и, конечно, есть здесь и «заслуга» Запада, его постоянных и упорных попыток подорвать развитие социалистических государств, поставить им подножку» (Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987. С. 168).

Однако вскоре новая официальная оценка чехословацких событий была дана на встрече руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, проходившей 4 декабря 1989 года в Москве: ввод войск пяти государств ОВД в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела суверенного государства и должен быть осуждён (см.: Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР... С. 5—6). Ещё в студенческую пору на одном из семинаров по международному праву мы обсуждали правомерность ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Тогда мы, студенты, пришли к почти единогласному мнению, что СССР действовал в соответствии со ст. 5 Варшавского договора, в которой говорилось, что участники этого договора «согласились о создании Объединенного Командования их вооружёнными силами, которые будут выделены по соглашению между Сторонами в ведение этого Командования, действующего на основе совместно установленных принципов. Они будут принимать также другие согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности, с тем чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии». Эти оценки я разделяю и по сей день. Советское присутствие в Чехословакии закончилось в июне 1991 года — с

выводом из страны Центральной группы войск, которая к тому времени насчитывала 100 тыс. военнослужащих.

Спустя 40 лет 21 августа 2008 года я побывал в центре Праги, где отмечался юбилей тех событий. В тот день Вацлавская площадь была расписана лозунгами в духе времён сорокалетней давности. Правда, агрессивные и нецензурные призывы здесь не размещались. В центре площади был установлен советский танк Т-55 с соответствующей разметкой — белой полосой на корпусе. Люди рассуждали о том, что приобрели, и что потеряли чехи в тех событиях, но голосов ненависти в адрес русских я не слышал.